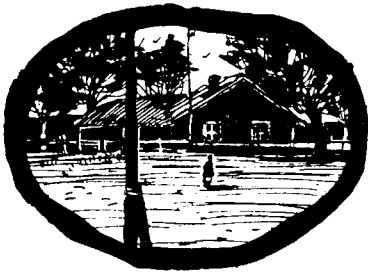

ТРАГИЧЕСКАЯ

НАХОДКА

Юность. — 1958. — № 12. — С. 73-75.

Лектору пришла записка. Неровные крупные буквы лепились в кривую строку: «Чем все же вредна религия?»

Лектор внимательно посмотрел в зал.

— Ты «Чудотворную» почитай! — крикнул кто-то из задних рядов. Когда в зале стих поднявшийся бы-

ло шум, лектор спросил:

— А действительно, все ли читали повесть писателя Тендрякова «Чудотворная»?

Откликнулось несколько голосов.

— Кто читал, — продолжал выступавший, — тот понял, в чем вред религии.

Он взял еще одну записку и, приблизив ее к глазам, прочитал:

— «Что плохого, если девушка обвенчается с парнем в церкви?» На первый взгляд ничего особенного будто и нет. — Он отложил записку на стол. — Красиво, торжественно, певчие поют, огни мерцают, люди смотрят, как совершается обряд. До сердца доходит. На это у церковников и главный расчет. Сегодня понравилась свадьба, завтра — крестины, а там — пасхальные церемонии с торжественной заутреней. Вот человек и втянулся. Так втягивается курильщик. Тот не может от курения отстать, этот — от заклинаний. Постигло горе, болезнь или обидел кто незаслуженно, он вместо того, чтобы бороться с несчастьем, читает молитву, обращается к несуществующему богу и вымаливает у него милости. Потому и назвал Ленин религию опиумом для народа, что она оглушает призрачной надеждой и утешением, служит средством одурманивания и угнетения людей.

Лектор вышел из-за стола и приблизился к краю сцены. В зале внимательно слушали.

— Религия стара и опытна, — сказал он, и голос его прозвучал серьезно и строго. — Она веками изыскивала средства закабаления человека. Она создавала красивые обряды, торжественные службы. Этим церковь и привлекала людей, держала их в рабстве. Так и называла она человека:

«раб божий». А коль ты раб — подчиняйся во всем своему господину.

Разве мало примеров проявления этого рабства?! Посмотрите вокруг. Вдумайтесь хотя бы в известную вам по повести Тендрякова историю с вновь найденной иконой, разберитесь, для чего потребовалось некоторым персонажам повести раздвигать эту находку, кому это было выгодно.

Нашей молодежи, в массе ее, чуждо религиозное чувство. Не знает она ни канонов религии, ни библейских легенд. Но известны случаи, когда под влиянием религиозных людей и церковников, мулл, раввинов, сектантов всех мастей попадают молодые люди. Выполняя по традициям предков религиозные обряды, они часто и не понимают, какой ущерб наносят своему сознанию.

Отдавая себя на милость «всевышнему», они как бы снимают с себя ответственность за свою жизнь. Не нужно думать, не нужно рассуждать. Неурожай в колхозе, жить стало трудно — на то воля божья. Утонул ребенок, заболел человек — нет, чтобы разобраться в причинах, опять тот же ответ. И уже идут разговоры: нужно умиливать бога — совершить крестный ход, отслужить молебен или поклониться иконе. И так во всем и всюду умственная слепота. А от слепоты рождается животный страх перед жизнью, перед «гневом божьим». А церковь приказывает: терпи! Вот в этом и есть духовное рабство.

А какие страшные, уродливые оно принимает формы! Самоистязания, посты, нелепые обряды и даже случаи самосожжения...

Нет, не для того был освобожден человек, чтобы снова взвалить на свои плечи этот позорный груз веков, опуститься в тьму незнания, неясных предчувствий, животного страха перед будущим, которое рисуется в виде беспощадного гнева, катастрофы, страшного суда!

Об этом говорил лектор своим слушателям. Об этом пишет и В. Тендряков в своей повести «Чудотворная», опубликованной в нынешнем году в майской книжке журнала «Знамя».

Повесть тем и сильна, что писатель на одном простом случае показал, как из отдельных звеньев куется цепь духовной кабалы.

Это умное, правдивое произведение раскрывает не одно звено, не один этап закабаления, а целый процесс, те силы, на которые опирается в настоя-

щее время религия, средства воздействия ее на человека, рождаемые ею чувства.

Повесть дает богатый материал для раздумий, помогает осмыслить ту борьбу, которая идет внутри нашего общества с враждебной идеологией.

Событие, лежащее в основе повести, несложно. Весенним паводком размыло берег. Подрусок Родька Гуляев, весь день пропадавший с дочками у реки, увидел в песке ящик.

Сторя от нетерпения, от сладкого ужаса перед неизвестностью (а вдруг клад!), он разломал полусгнившие доски и в мешковине увидел икону.

Находка есть находка. Родька принес ее домой, и старая фанатичная бабка его, Грачиха, признала в иконе ту самую «чудотворную», которая в старое время считалась «святой» и привлекала в приход толпы верующих.

Когда церковь закрыли, а икону хотели сдать в музей, она вдруг пропала. А теперь нашлась, «объявилась». И не кому-нибудь, многозначительно вещала Грачиха, а чистому отроку.

Вот это-то событие и стало трагическим для Родьки Гуляева.

Старая доска с полустертым ликом — и вдруг перевернута жизнью. Но как?

Объяснив, что Родька теперь на примете у бога, бабка и мать, которую горе толкнуло к религии, силой надевают на пионера крест, заставляют его молиться, просят прощения за свои «прегрешения». И эти сцены насилия над ребенком показаны автором убедительно и сильно.

«— Добром тебя просят. Ну!.. Мать, дай-ко мне крест. Я надену на неслуха.

— Нет, пусть он себя сначала крестным знаменем осенит. Пусть-ко скажет сначала: «Прости, господи, мои прегрешения».

На стене, под фотографиями в картонных рамках, висел старый солдатский ремень, оставшийся от отца. Мать сняла его, впилась в Родьку прищуренными глазами, устрашающе переложила ремень из руки в руку.

— ...Прав не имеете... Вот я в школе скажу все...

— Пусть-ко сунутся — я учителям твоим глаза повыцарапаю. Небось, не ихнее дело!

Удар ремня пришелся по плечу.

— Скидывай сапоги! Живо!.. Нету тебе школы! Нету тебе улицы! На замок запрю!

...Упершись взглядом в пол, Родька несмело поднял руку, дотронулся щепотью до лба и стыдливо, неумело перекрестился...»

Тихий до этого дом наполняют чужие, какие-то ущербные люди, с их темным, чужим миром.

У веселого, жизнерадостного подростка появляются незнакомые, чуждые его существу чувства: страх, угнетенность, приниженность. Ему стыдно перед товарищами за то, что происходит с ним и вокруг него. Рушатся привычные представления о жизни. Раньше Родька мечтал: «Когда вырасту большим, стану моряком».

«Теперь от этого будущего придется отказаться. Где уж там бескозырка с ленточками, когда тебе придется молиться, когда ты нашел святую икону, когда за тобой следит сам бог, ты у него на примете! Неужели жить так, как велит бабка? Кем он будет, когда вырастет большим? Непонятно, неясно, темно впереди».

Так совершается этот процесс во всей его неприглядности. Писатель раскрывает, что кроется за «безобидным» обрядом, на какие силы опирается религия.

В подростке борются противоположные чувства. То, чему учили в школе, не укладывается рядом с бабкиными истинами. Раздирающие сомнения, противоречия свиной вековой тяжестью обрушиваются на неокрепшее сознание.

Есть ли бог?

Школа говорит, что нет, а бабка и мать уверяют, что есть, и в доказательство приводят факт: в полночь в закрытой церкви кто-то пилит стропила. Что это, как не проявление божьего промысла, наказание за людские грехи?

Тут и взрослый не очень грамотный человек почувствует холодок страха. Что же это может быть, если в пустой, одиноко стоящей на болоте церкви появляется звук, похожий на жужжание пилы? Звук будет шириться, нарастать и вдруг исчезнет. И снова церковь затаится в молчании.

И мальчишка, почти ребенок, уже угнетенный страхом божьим, предпринимает трудное ночное путешествие в церковь, на кладбище, как последнюю попытку решить непосильный вопрос. Он окончательно сломлен тем, что слова бабки подтвердились. У него нет больше нравственных сил противиться, он крестит лоб, готов исполнить любое требование фанатичной старухи.

Именно так и происходит в жизни. Когда человек сокрушен несчастьем, когда его охватывают сомнения, когда он жалок, слаб, беспомощен, тогда-то и являются «утешители» с их красивыми обрядами, сладостными обещаниями вечного блаженства, с проповедями о тщете и бренности земной жизни и с богатым опытом улавливания душ.

Иногда они появляются в виде «посланников божьих», создают секты, и это — наиболее злое из всех проявлений религии. Бывает, что за личиной этих «посланников» скрываются враги. Совсем недавно обнаружилось, что пастыри секты «свидетели Иеговы», одурманивая людей, занимались антисоветской работой. Они распространяли тайно отпечатанную в Америке литературу о конце мира. Но теперь в эту легенду внесены поправки. Не все, мол, земные государства погибнут. Уцелеет Америка и слуги ее — «свидетели Иеговы». Разумеется, все это окружается изречениями из библейских легенд, и слабые люди, с затуманенным сознанием, те, кто не нашел себе жизненной опоры, слепо верят, и поддерживают, и распространяют это гибельное для человечества «учение».

Это, конечно, крайность, но путь к ней начинается от простого обряда, от венчания, крестного хода, а иногда от случайности, которая могла стать, как это было у Родьки, трагической.

Вот в этот момент и важно оказать человеку настоящую, честную помощь, развеять сомнения, оградить от губительного одиночества. В этот момент мы и должны быть особенно зоркими, внимательными, чуткими. Здесь должна проявиться во всей полноте сила советского гуманизма.

Именно в такое трудное, самое критическое для Родьки время на помощь ему пришла учительница Прасковья Петровна. Понимающая, мудрая, стойкая, она берет под защиту мальчишка, объясняет ему, что жужжание пилы в церкви — просто резонанс, отзвук проходящего неподалеку поезда. Только и всего. Раскрылась тайна.

Так они и раскрываются, эти некогда «несобъяснимые», «сверхъестественные» явления: огни на болотах, солнечные затмения, миражи. Несовершенство человеческих знаний наделило их

«божественной» силой. Нужно понимать и уметь объяснять подлинное содержание различных чудес.

Каждый здравомыслящий человек, каждый человек передовых убеждений должен не отмалчиваться, столкнувшись с проявлением заблуждения, невежества, духовного насилия над личностью, а, подобно Прасковье Петровне, вести борьбу за человека, за его сознание и волю, разъяснять, помогать преодолеть заблуждения.

Стараясь вырвать Родьку из пут, которые все туже стягиваются вокруг него, Прасковья Петровна идет домой к мальчику, едет в район, в райком партии.

И как упрек многим партийным и комсомольским организациям, показан в повести разговор учительницы с высоким, плечистым парнем с буйной шевелюрой — заведующим отделом агитации и пропаганды райкома партии.

Он весь в живых, неотложных делах. Ни минуты не остается без дела, напористо занимаясь будничными, земными делами.

— Горючего нет?.. — кричит он по телефону. — Бросьте трактор на помощь!

Звонок за звонком прерывает его разговор с Прасковьей Петровной. Но когда она все же рассказывает ему о «чудотворной» иконе, о Родьке, он признает, что заниматься антирелигиозной пропагандой так же необходимо, как поднимать урожайность.

Здесь нужны и гибкость, и ум, и такт, постоянные поиски действенных форм, слов, трогательных людские сердца. Бездействие открывает путь для чуждой идеологии.

Чуждая идеология!.. В. Тендряков показал нам верующую бабушку Грачиху, несчастного, опустившегося инвалида Киндю, много болезненных, ущербных людей, верящих в «чудотворную» икону и ставших в своем ослеплении страшной силой, мешающей людям правильно жить и работать. Все они лишь неразумное, слепое оружие в руках опытного и хитрого «отца Дмитрия», священника Загорьевской церкви. Несколько раз автор сталкивает его с Прасковьей Петровной, и

в их столкновениях раскрывается идеология этого «рыцаря добра», человека, чуждого нам.

Сущность, конечная цель церковников замаскированы, запрятаны в шелухе слов, неясных обещаний, скрыты за маской мнимого добра. Даже внешность «отца Дмитрия» благообразна, голос звучный, мягкий, с наставническими нотками, благопристойные манеры — все рассчитано на то, чтобы подстеречь человека, проникнуть в его сердце, завладеть сознанием, волей, а потом уже творить свою разрушающую работу.

«Отец Дмитрий» не против того, чтобы люди строили заводы, пахали землю, рожали детей. Но делать все это они должны в страхе божьем. И, конечно же, не забывать божьих слуг. У «отца Дмитрия» и лошадка сытая, и пролетка новенькая, и хозяйство крепкое. Все — даяниями верующих...

«Бог кормит, одевает, бог требует: будьте добрыми — всюду бог. А ведь человек потому и стал человеком, что он всего достиг своим умом, своими руками. Вечным вмешательством бога вы отнимаете у человека право быть хозяином своей жизни», — говорит Прасковья Петровна «отцу Дмитрию».

А он главную ставку делает на несчастья народа: «Как знать, что будет дальше. Ведь потянулись же после войны люди к богу. Всякое может случиться впереди».

И любое несчастье с человеком, любой наш просчет в воспитательной работе — все используют эти «рыцари добра». Так они и закабаляют человека, отбрасывают его к прошлому, к «чудотворным» иконам, к крестным ходам и купаньям в «святых» источниках, к парандже, позорным обрядам. Но от этого на земле не убудет зла, а прибавится.

Такие мысли рождает повесть В. Тендрякова. Она дает богатый, живой материал, учит за отдельным фактом видеть явление со всеми его губительными последствиями. Повесть зовет к действию, к борьбе с чуждой идеологией, с дурманом религии, со всеми ее уродливыми проявлениями.

Борис ШАХОВСКИЙ

* *
*

Слышать мне о Каспии случалось
Речи тех, кто там не ко двору.
— Жить бы можно,
если б сбавить малость
Силу ветра, адскую жару.

Нет уж, пусть грохочущим и будет
Знойный край,
где лотосы цветут.
Шторму не сдающиеся люди
Не в стоячих заводах растут.

* *
*

Здравствуй,
город рыбацких причалов!
Здравствуй, рек голубое литье!
Здесь давно в барабан отстучало
Пионерское детство мое.

Пароход, мой попутчик горластый,
Не спеши и назад не зови.
Я соскучился.
Родина, здравствуй!
Здравствуй, край моей первой любви.